

К СТОЛЕТИЮ РОССИЙСКИХ ЗАПОВЕДНИКОВ: СЛОВО О ГРИГОРИИ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КОЖЕВНИКОВЕ (1866—1933)

Близится конец 1995 года, и остается совсем немного времени для того, чтобы еще успел не оправдаться не вызывающий радости прогноз о том, что наша научная общественность так и оставит без внимания столетний юбилей отечественного заповедного дела¹.

Да, именно в 1895 г., в выпуске «Трудов» организованной и руководимой В. В. Докучаевым «Особой экспедиции по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России», впервые прозвучали основополагающие идеи отечественного заповедного дела. Уместно вспомнить, что причиной, побудившей Докучаева поставить в 1892 г. вопрос о снаряжении экспедиции, было, по его словам, прежде всего «то народное бедствие, которое постигло Россию в настоящее время, — тот поразительный неурожай, который охватил до трети лучшей черноземной полосы нашего Отечества, и та засуха, которая местами продолжалась целые месяцы...» [1, с. 18]. О том, с какими целями отправлялась в пострадавшие от неурожая юго-восточные степи возглавляемая им экспедиция, также свидетельствуют слова Докучаева: «...чтобы поставить возможно правильный *диагноз* болезни, чтобы наметить, наконец, те *меры*, которые, основываясь на истории развития *недуга*, единственно надежны и целесообразны, мы попытаемся *реставрировать* наши черноземные степи — эту общепризнанную *житницу* России, которая, к величайшему сожалению, оказалась *пустой* в самое нужное и тяжелое для нас время...» [1, с. 18].

В результате уже первых двух лет работы Докучаев и его коллеги пришли к мысли о необходимости устройства заповедных участков: «О важности и значении выработки точного и вполне приспособленного к степным условиям, так сказать нормального плана сельскохозяйственных опытов незначею, конечно, говорить; теперь это вошло в сознание не только земств, но и весьма многих землевладельцев. Иное дело — *исследование* и *точный учет природы* и *жизни* наших *девственных степей*; эти задачи еще для многих кажутся неясными и не столь важными, а поэтому необходимо сказать о них хотя бы несколько слов» [1, с. 178]. В последовавших за тем «нескольких словах» (приводимых здесь с некоторыми сокращениями) и были впервые печатно высказаны принципы, составившие основу устройства отечественных заповедников:

«К сожалению, наши *девственные* черноземные степи, с их своеобразной прелестью, беспредельной ширию и с их оригинальными обитателями — серебристым ковылем, дерезой, байбаком, дрофой и пр., с удивительной быстротой исчезают с лица земли русской...

И это тем *обиднее*, тем нежелательнее, что наши степи, с их в высшей степени своеобразной природой, никогда не подвергались *систематическим* исследованиям и более менее продолжительному *непрерывному* (из года в год, из дня в день) учету, что представляет, помимо научного, и высокий, *общепризнанный* практический интерес и что безусловно необходимо как для *понимания* степи, так и для *овладения* ее силами и особенностями, достоинствами и недостатками.

Чтобы *реставрировать* степь, по возможности, в ее *первобытном* виде, чтобы воочию убедиться в том могущественном влиянии, которое может оказывать девственный травянистый покров на жизнь и количество грунтовых и поверхностных вод; чтобы не дать окончательно *обестраивать* наши степи (как обезлесили лесостепную Россию); чтобы сохранить этот оригинальный *степной мир* потомству *навсегда*; чтобы спасти его для *науки* (а частью и *практики*); чтобы не дать безвозвратно погибнуть в борьбе с человеком целому ряду характернейших степных растительных и животных форм, государству следовало бы *заповедать*... на юге России больший или меньший участок *девственной* степи и предоставить его в *исключительное* пользование *первобытных* степных обитателей, каковы упомянутые, ныне *вымирающие* организмы. И если на таком участке будет устроена постоянная *научная* станция (наподобие Неаполитанской и Соловецкой), снабженная необходимыми приборами для исследований и доступная ученым *всех* стран, то, нет сомнения, затраты (два—три десятка тысяч рублей на постройку дома, рабочих кабинетов, приборы и пр.), сопряженные с устройством такой *заповедной дачи* и *станции*, быстро окупятся и притом *сторицею*» [1, с. 178—179].

Тогда же, по ходатайству Докучаева, в распоряжение экспедиции был отведен участок девственной степи на землях Деркульского конного завода, и на нем развернулись разносторонние ис-

¹ Среди причастных к судьбе наших заповедников людей, пожалуй, лишь Феликс Робертович Штильмарк и сам не забывает, и другим не устает напоминать об этой дате, и редакция ВИЕТ благодарна ему как вдохновителю этой публикации.

следования. Однако сей первенец среди отечественных заповедников² оказался недолговечен и уже в начале XX в. практически сошел со сцены. Как указывал в своей пионерской работе по истории российского природоохранительного движения Д. Уинер, «в середине 1890-х годов научная общественность России еще не была готова к восприятию этих идей, и прошло тринадцать лет, прежде чем такой подход был вновь предложен московским зоологом Григорием Александровичем Кожевниковым» [2, с. 28].

* * *

Прибавив указанные в последних строках 13 лет к вышеупомянутому 1895 г., мы легко установим, что имеется в виду доклад «О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы», сделанный Кожевниковым в 1908 г. на съезде Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений и немедленно выдвинувший автора на передний план среди отечественных деятелей природоохранения.

«Есть такие вопросы, и часто весьма важные, которые прямо и непосредственно не захватывают наших жизненных интересов и о которых в силу этого приходится постоянно напоминать», — замечал Кожевников в преамбуле своего доклада. — К числу таких вопросов принадлежит вопрос о *праве первобытной природы на существование*. Быть может, такая формулировка, как «право на существование», звучит несколько странно, но именно так, а не иначе я считаю нужным поставить вопрос» [3, с. 1].

Аргументируя такую постановку вопроса, Кожевников привел впечатляющие примеры тех «пертурбаций», которым подверглась «первобытная природа» вследствие «победоносного шествия человеческой культуры». Остановившись на тех странах, «которые являются теперь центром расцвета западноевропейской цивилизации», он с горечью констатировал: «...мы должны признать, что в настоящее время вопрос о *первобытной* природе является в таких странах вопросом праздным» [3, с. 2—4].

«Культурного человека охватила жуть при виде того, что безвозвратно и неуклонно убегает от него природа, убегает с тем, чтобы никогда не вернуться» [3, с. 4]. Как это было и в случае Докучаева, для натуралиста Кожевникова, убежденного, что «полное... понимание природы является одной из основных задач человеческого ума, и на решении этой задачи человечество строит и свой умственный прогресс и свое материальное благополучие», особую мрачность картине безвозвратного исчезновения природы придавало то, что «мы не можем вполне понять окружающую нас природы, если будем изучать ее при условии постоянного, непрерывно прогрессирующего воздействия на нее изменяющего влияния человека» [3, с. 10].

Итак, «чтобы иметь возможность изучать природу, мы должны стараться сохранить ее в ее первобытной неприкосновенности в виде ее наиболее типичных формаций. <...> Какая цель сохранения таких нетронутых участков? Прежде всего чисто научная, а затем, конечно, и практическая, т. е. только научное изучение природы дает нам прочные основы для практической деятельности. Припомним, что все сельское хозяйство в сущности есть не что иное, как прикладное естествознание. Раз изучение природы есть одна из основных наших задач, то, конечно, мы должны подумать о том, чтобы эта природа сохранилась хотя местами во всей своей естественной неприкосновенности. Если мы об этом не позаботимся, то область нашего будущего изучения сильно сократится, и многие вопросы останутся навсегда нерешенными... Имея перед собою для изучения сперва опустошенную, а затем культивированную природу и не имея для сравнения ни уголка природы более или менее первобытной, мы не сможем разгадать целого ряда интересных загадок, которые ставит нам животная и растительная жизнь» [3, с. 7—8].

Развивая эту мысль в докладе «О заповедных участках» (1911), Кожевников отмечал, что только в условиях заповедников «мы можем выяснить закон природы, можем выяснить то биологическое равновесие, которое царит в ней» [4, с. 2]: «...мы еще далеки в настоящее время от понимания законов равновесия, господствующих в природе и наглядно проявляющихся в том, что одновременно благоденствуют и хищники, и их добыча, и паразиты, и их хозяева. Далеки мы от понимания таких сложных биологических явлений потому, что слишком многие натуралисты сидят в своих кабинетах, совершенно не производя наблюдений среди природы. <...> Чтобы ответить на самые основные вопросы биологии, как, например: что влияет на усиленное размножение вида, что влияет на его количественную убыль, какие виды приносят вред другим видам и в какой степени и т. п., — необходимо производить наблюдения именно на нетронутых человеком участках природы, где она предоставлена вполне самой себе» [4, с. 4—5].

Оценивая выдвинутую Кожевниковым программу создания сети экологических заповедников, Д. Уинер указывает, что она «оказала влияние и на биологию, и на управление ресурсами в

² Мы не учитываем существовавших в России еще задолго до Докучаева и подчас называвшихся «заповедными» участков вроде «царских охот», поскольку они представляли скорее «охраняемые садки дичи», чем участки «первобытной» природы, отводимые специально для ее сохранения и изучения в качестве таковой.

России. С одной стороны, это был укор естествоиспытателям, которые, по мнению ученого, заперлись в своих кабинетах и похоронили себя там, изучая микроскопическую структуру и систематику животных на основании лабораторных образцов, и в результате стали чужаками среди живой природы. С другой стороны, это был призыв к биологам принять участие в планировании ресурсов и организации землепользования. Изучение девственной природы как «здоровой природы», а экономически эксплуатируемой природы — как «патологической» давало биологам возможность путем их сравнения определить путь лечения «больной природы» на основании того, что они узнавали о «здоровой». Заповедники должны были служить моделями, или эталонами, здоровой природы» [2, с. 33].

* * *

Уже в этих первых докладах 1908 и 1911 гг. Кожевников высказал почитавшуюся им «главным принципом» устройства заповедников идею об их «полной неприкосновенности» — идею, столкновение которой с реальностью последующих десятилетий драматическим образом сказалось не только на истории отечественных заповедников, но и на его собственной судьбе³. Как же виделась Кожевникову «полная неприкосновенность» заповедников? «По отношению к фауне, — указывал он, — в них должна быть абсолютно запрещена всякая стрельба и ловля каких бы то ни было животных» [3, с. 8], и «даже обычное право научного коллектирования не должно применяться к этим участкам так широко, как оно вообще применяется» [4, с. 7]. «По отношению к флоре необходимо отменить прорубание просек, подчистку леса, даже сенокос и уж, конечно, всякие посевы и посадки. Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты» [3, с. 9].

Познакомившись с опытом устройства национальных парков в США (где он побывал в 1907 г. в качестве делегата Московского университета на зоологическом конгрессе в Бостоне) и с практикой сохранения «памятников природы» в Германии (которую он посетил в том же году), и ясно осознававший их передовой характер по сравнению с тогдашним положением дел с охраной природы в России, Кожевников, однако, не стал адептом ни американской, ни немецкой моделей природоохранения. «Немецкие сады, парки, леса и луга не представляют собой пустыни, лишенной животной жизни, — отмечал он, — местами эта жизнь кишит, несмотря на густоту человеческого поселения; но эта жизнь, конечно, весьма далека от первобытности. Только некоторые определенные виды хорошо уживаются с культурными условиями, другие же бегут от них» [3, с. 7]. При всем сочувствии к движению за сохранение «памятников природы», последние представлялись ему скорее *памятниками природе*: их «измененная культурой природа только обманет нас своим односторонним богатством, затушевывая образ исчезнувшего прошлого» [3, с. 7]. Обширные территории американских национальных парков больше соответствовали его представлениям о «первобытности», однако Кожевникову было чуждо видение заповедников как мест паломничества туристов⁴.

Руководствуясь принципом «полной неприкосновенности», с первых и до последних своих работ по охране природы Кожевников предостерегал против неразборчивого употребления слова «заповедник» по отношению, например, к «идеально устроенному охотничьему хозяйству, где охота притом производится только в редких случаях и не приносит никакого вреда благоденствию дичи и где существует известного рода уход за дичью» [4, с. 1—2]. В докладе 1911 г. в качестве примера такого участка он приводил Беловежскую пушу, где «имеются сараи с сеном для подкармливания зубров, ... производится покос, порубка и посадка, ... проложены хорошие дороги и вообще введены различные культурные мероприятия, имеющие целью поддержать лес в определенном виде, быть может, даже улучшить его с лесоводственной точки зрения, но совершенно противоречащие идее *сохранения природы в первобытном нетронутом виде*» [4, с. 2].

Как в те далекие годы, так и много позже эти заводимые «в виде компенсации... малоинтересные для изучения дикой природы охотничьи «хозяйства», где искусственно разводятся одни виды, в том числе и чуждые местной фауне, и избиваются другие...» [5, с. III], сколь бы обширными они ни были, не могли заменить для Кожевникова даже скромных по размеру экологических заповедников, ориентированных на внимательное слежение за ходом природных процессов «в течение сроков, далеко превышающих жизнь человека» [6, с. 17]. Процитированные здесь слова взяты из его работ 1925 и 1928 гг., освещающих опыт созданного, в сущности, его собственными

³ Анализируя полемику на страницах журнала «Охрана природы» за 1930 г. в сопоставлении с малоизвестной публикацией Кожевникова 1928 г., в своей готовящейся к печати книге по истории отечественного заповедного дела Ф. Р. Штильмарк доказывает, что отстаивание Кожевниковым принципа «полной неприкосновенности» заповедников стало причиной изгнания его из Московского университета в 1929 г.

⁴ Когда в годы НЭПа зазвучали предложения о решении финансовых проблем заповедников путем превращения их в «советские йеллоустоны», указывает Уинер, Кожевников протестовал против такой перспективы, убедив своих коллег по Госкомитету по охране памятников природы принять резолюцию, где, среди прочего, отмечалось, что эксплуатация заповедников, как если бы они были неким промышленным предприятием, «противоречит их изначальной сути» (см. [2, с. 59]).

усилиями подмосковного Косинского заповедника. «Основной задачей охраны природы является сохранение отдельных участков ее в неприкосновенности в целях научного изучения, — повторял он и в эти годы. — ...Познание природы путем научного изучения является одной из крупнейших задач культурного человечества. Более того, если мы взглянем глубже, то увидим, что познание природы есть основа как правильного миропонимания, так и материального благополучия отдельных людей и целых народов. Сельское хозяйство, техника, медицина — ведь это все разные виды прикладного естествознания. Для всего этого прочной основой является познание природы» [5, с. 1].

4

* * *

В неоднократно упоминавшейся уже здесь книге Д. Уинер оценивает взгляды Кожевникова как олицетворение «научного» подхода в российском природоохранительном движении. «Подчеркивая уязвимость природы», — указывает он, — сторонники этого подхода «предупреждали о возможности экологической катастрофы. В этом предупреждении звучало беспокойство не столько о сохранении других форм жизни ради них самих, сколько о тех последствиях, которыми могли обернуться нарушения в природных экосистемах для цивилизации. Соответственно ученые, стоявшие на этой очевидно антропоцентристской позиции, ... утверждали, что только их научная экспертиза может гарантировать, что экономический рост будет оставаться в рамках тех возможностей, которые определяются здоровой природой»⁵. В отличие от приверженцев «утилитарного» подхода (ставивших во главу угла эффективное использование «ресурсов», трактуемых в узких рамках сиюминутной хозяйственной выгоды), отмечает Уинер, такие ученые, как Кожевников, подчеркивали целостность природных сообществ и взаимозависимость их компонентов. С другой стороны, их «материалистические», «антропоцентристские» взгляды отличали их от приверженцев «эстетико-этического» подхода, — отличительной чертой которого, согласно Уинеру, было акцентирование того, «что природа ценна сама по себе, независимо от ее полезности для людей, и что другие живые существа имеют равное право на существование» [7, с. 229].

Это противопоставление взглядов Кожевникова «эстетико-этической» точке зрения представляется нам, однако, спорным в свете нескольких примечательных архивных документов.

Первый из них — это записанные Кожевниковым впечатления от посещения (в 1907 г.) Ниагарского водопада: «Весь город (*Niagara Falls*) так плотно придвинут к великому явлению природы, что оно потеряло значительную долю прелести. Рядом с природой всякий город вообще есть грязное пятно, а рядом с таким единственным в своем роде явлением город являет величайшую мерзость. Как странно, что большинство людей не отдает себе отчет в том, как отвратительно отношение людей к природе. Люди не сознают, что природа выше (?) и лучше их...

Холоп. Сначала пресмыкался, а потом — в морду.

Как велика была бестактность, скажу больше — безнравственность тех предпринимателей, которые решили строить и дома, и фабрики на самом берегу дивной Ниагары. Конечно, природа в этом смысле беззащитна перед людьми. Они могут издеваться над побежденной, но, быть может, придет час ужасного мщения. Истребивши зверей и птиц, вырубив леса или превратив их в парки, осушив болота, человечество лишит себя навсегда великого влияния природы, и кто знает, насколько печально отзовется это на будущих людях»⁶.

Вспомнив, что лишь считанные месяцы отделяют эти строки от первого призыва Кожевникова к устройству заповедников (1908 г.), можно предположить, что его беспокойство о сохранении участков нетронутой природы питалось в немалой степени и теми «вненаучными» чувствами, которые столь ярко выразились в этих наспех сделанных записях.

Второй документ, который представляется нам примечательным в этой связи, относится уже к другой эпохе: это письмо, написанное Кожевниковым 15 апреля 1920 г. Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому. «Жизнь у нас как будто бы очень деловая, — сообщал Кожевников своему питерскому другу и коллеге, — но это похоже на работу мельницы, в которой нет зерна. Все стучит, гремит, вертится, жернова стираются друг об друга, а муки не получается. Получается мука! Есть машины, в которых очень много трения и очень мало полезного действия. Разные современные комиссии и... учреждения напоминают такие машины... Только заседают и разрабатывают несбыточные проекты. Я лично мечтаю или о том, чтобы началась настоящая работа, или о том, чтобы уйти в лесную глушь и жить среди природы. Это, конечно, утопия, но иногда хочется и им предаваться. Жить за границей, казалось бы, хорошо, но не хочется, откровенно говоря, прежде всего оттого, что там чужая природа. Я не могу себя представить без русского леса, без русского болота. Умерло и исчезло много знакомых. Появилось много новых чужих людей.

5 Цитата взята из американского издания (см. [7, с. 230]), поскольку соответствующее место в русском издании переведено неточно.

6 Архив МГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 25 (1).

Но природа все та же, И в этом великая отрада. Юристы и историки в худшем положении, чем мы, естественники...».

Последние фразы этого письма особенно важны для нашей темы. Как нам кажется, говоря о худшем положении «юристов и историков» по сравнению с «естественниками», Кожевников имеет в виду глубокое различие миров, в которых обитают те и другие. Мир «естественников» — это природа, которая (по крайней мере, в тех заповедных уголках, где она «предоставлена вполне самой себе») остается, вопреки социальным пертурбациям, «все та же». Эта ее незыблемость дарует человеку, соприкасающемуся с ней, возможность обрести себя — таким образом, что становится немислимым представить себя без «своего» леса, «своего» болота. «И в этом великая отрада». «Юристы и историки» же обитают в мире, который всецело является, выражаясь современным языком, «социальной конструкцией», — притом (как мог уже убедиться Кожевников к 1920 г.) конструкцией фантомной, могущей быть в одночасье поставленной с ног на голову в соответствии с волей властей предержащих. И в свете этого истолкования не будет, на наш взгляд, преувеличением предположить, что заповедники были для Кожевникова важны не только своим значением для науки, но еще и как своего рода «маяки», указывающие на возможность иного отношения людей к природе (а может быть, и друг к другу?), — отношения, основанного не на «холопском» принципе «сначала пресмыкался, а потом — в морду», а на принципе, сформулированном его предшественником Докучаевым, писавшим, что «только то *прочно и устойчиво*, только то и *жизненно и выгодно*, только то и имеет будущность, что сделано *в согласии с природой*, по возможности не насилуя ее нормальной текущей жизни...» [8, с. 178]. Не это ли имел в виду Кожевников, указывая (в вышеупомянутой статье «О значении Косинского заповедника»), что «если мы взглянем глубже, то увидим, что познание природы есть основа... правильного миропонимания» [5, с. I]? (И, кстати, не было ли само создание Кожевниковым Косинского заповедника в любимом им уголке Подмосковья⁸ в 1921 г. осуществлением его мечты о «настоящей работе», упомянутой в письме 1920 г.?)

Наконец, сама наука познания природы может быть понимаема по-разному. О том, насколько «материалистического» понимания придерживался Кожевников, позволяет догадаться посланный им (30 мая 1930 г.) тому же А. П. Семенову-Тянь-Шанскому собственноручный перевод двустихия Шиллера:

Светлой богиней наука себя выявляет иному;
Дойной коровой другому. Лозунг — даешь молоко!⁹

* * *

Автор обстоятельных «Материалов по естественной истории пчелы» и трудов по фауне беспозвоночных Балтийского моря, слышавший в кругу коллег «основателем своеобразной московской школы зоологов-систематиков»¹⁰, инициатор создания и первый президент Всероссийского общества охраны природы, разработчик второй программы построения сети заповедников в нашей стране¹¹ и программы экологических наблюдений в заповедниках¹², Кожевников посылал свой перевод Шиллера, будучи уже «освобожден» от должности профессора МГУ.

Если бы мы стремились к созданию «героического образа», лучше всего было бы на этом и закончить. Не имея, однако, такой цели, поговорим немного о последнем, насколько нам известно, публичном выступлении Кожевникова.

В феврале 1932 г. состоялась I Всесоюзная фаунистическая конференция — «основным достижением» которой, как выразился царивший на ней И. И. Презент, стало «уяснение себе необходимости преодолеть созерцательное изучательство в фаунистике, сделать ее хозяйственно-социалистически целенаправленной, большевистски-партийной»¹³. Центральным событием Конференции — через о(б)суждение которого, собственно, и было достигнуто означенное «уяснение» — стал скандал вокруг выступления энтомолога М. Н. Римского-Корсакова, заявившего,

7 СПбФ Архива РАН. Ф. 722. Оп. 3. Ед. хр. 37. Л. 221—221об.

8 Заповедник был учрежден на базе Косинской биологической станции, созданной в 1908 г. также его усилиями.

9 СПбФ Архива РАН. Ф. 722. Оп. 2. Ед. хр. 499. Л. 115. Следует отметить два обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствующие о том, сколь родственны оказались строки Шиллера переживаниям самого Кожевникова и сколь важно было для Кожевникова высказать «устаами Шиллера» свой взгляд. Во-первых, сам факт перевода Шиллера (учитывая, что Кожевников вообще-то не отличался склонностью к поэтическим опытам). Во-вторых, то, что Кожевников «решился» послать свой перевод столь взыскательному арбитру, каким слыл А. П. Семенов-Тянь-Шанский (чьи мастерские переводы Горация уже получили тогда широкую известность).

10 Слова из письма Б. С. Кузина к А. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 1 февраля 1933 г. (СПбФ Архива РАН. Ф. 722. Оп. 2. Ед. хр. 555. Л. 23—24).

11 Первая была предложена В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1917 г. и основывалась на физико-географических критериях; программа Кожевникова (1923 г.) основывалась на критериях экологических (см. [2, с. 102]).

12 На ее основе построена «Летопись природы», которая и по сей день ведется в наших заповедниках (см. [9]).

13 Цит. по Стенографическому отчету (Архив РАН. Ф. 1593. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 134—135).

что «наука была и будет беспартийна», и, в ответ на реплику «Наука партийна», покинувшего собрание со словами «А если так, то нам здесь делать нечего»¹⁴. Президиум Конференции обратился ко всем участникам с требованием высказаться по поводу поведения Римского-Корсакова, «подняв этот вопрос на достаточную политическую высоту», и в итоге «подъёмы на высоту» заняли 41 из 135 листов стенографического отчета о пленарных заседаниях.

Среди выступавших был и Кожевников: «Эта конференция произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление. Я увидел, что фаунистика, где я не мог предполагать нового подхода, может иметь новые установки, что к ней можно подходить по-новому. Это действительно было новым для меня, и я открыто говорю, что это произвело чрезвычайно сильное впечатление на меня. Такого рода новый подход производит бодрящее действие, он стимулирует, он заставляет человека старого, хотя и неприятно произносить это слово (я его ужасно не люблю), воодушевиться. Это — какой-то особый фермент, который заставляет по-новому работать, он дает нервным клеткам известного рода бодрость, воодушевление. Хочется только одного — чтобы, именно, можно было долго сохранять силы, чтобы работать целеустремленно, не занимаясь теми темами, которые не могут иметь значения для строительства нового государства, для социалистического строительства, а [заниматься] такого рода темами, которые важны для социалистической стройки. Я позволю себе привести конкретный пример. Я сюда привез отдельный оттиск своих статей об охране природы, которые были напечатаны много лет тому назад. Я думал издать их вновь, потому что они просто залежались, но после того, что прочитали на секции, я подумал, что их нельзя издавать»¹⁵.

После этих слов, которыми закончил свое выступление Кожевников, могли бы поставить точку и мы, если бы стремились к созданию «негероического образа». Но, не имея и этой цели, добавим несколько замечаний. Укажем, во-первых, что в общей сложности по вопросу «о поведении Римского-Корсакова» было сделано 27 выступлений (23 человека высказались по разу, а Презент — четырежды), и лишь в одном из них он не только не осуждался, но даже... не упоминался. Это было выступление Кожевникова.

Во-вторых, упомянутые в стенограмме аплодисменты коллег, приветствовавших таким образом «бодрый» отказ Кожевникова от мысли переиздать свои статьи по охране природы, не должны настолько оглушить нас, чтобы мы не сумели услышать в его отказе ничего, кроме «бодрости». В этой связи уместно вспомнить опубликованную Кожевниковым в 1929 г. заметку, посвященную памяти его давнего приятеля — швейцарского зоолога П. Саразина, организатора (первой в истории) международной конференции по охране природы (Берн, 1913). Саразин считал охрану природы делом международной важности и убедил участников Бернской конференции учредить Международную комиссию по охране природы. «Но всего через 8 месяцев после конференции вспыхнула мировая война, — писал Кожевников в своей заметке, — и неуместно было говорить о международной охране растений, птиц и зверей, когда международными стараниями уничтожались миллионы людей, сравнивались с землей целые селения, поверхность земли превращалась в ряд безобразных «воронок» от снарядов... Горько было Саразину видеть крушение идеи международной охраны природы, проповедником которой он был. <...> Когда Саразину минуло 70 лет, в 1925 году, на международном конгрессе по охране птиц в Копенгагене была принята резолюция о желательности восстановить Международную Комиссию по охране природы, но Саразин просил, чтобы дело это шло без его участия... Какое горькое разочарование звучит в этих словах!» [10, с. 112—113].

Вернемся к стенограмме 1932 г., где Кожевников связывает невозможность переиздания своих работ с тем, «что прочитали на секции». Что же «такого» прочитали на секции его коллеги? Вот лишь несколько выдержек¹⁶. Станчинский: «Нельзя бояться природы; надо, изучив ее, напугать самим. <...> Фауну нужно изучать для ее переделки в целях соцстроительства». Макаров: «Обойтись без вмешательства человека в природу заповедников нельзя». Северцов: «Вмешательство человека в заповедник нужно». Заметив, что упомянутые люди были тогда центральными фигурами в заповедном деле, спросим: не странно ли, право, было бы не услышать в отказе Кожевникова отголосков «саразинской» просьбы, «чтобы дело это шло без его участия»?

Впрочем, вопрос этот, по-видимому, навсегда останется чисто риторическим — как и сопряженный с ним вопрос о том, каким образом повлиял (и повлиял ли вообще) на Кожевникова тот «особый фермент», который столь обильно изливался на Фаунистической конференции из уст его коллег. Ибо последующие сведения о Кожевникове крайне скудны. Достоверно известно, пожалуй, только одно: он скоропостижно скончался 29 января 1933 г., в разгар I Всесоюзного съез-

14 Цит. по Протоколу заседания энтомологической секции 8 февраля 1932 г. (СПбФ Архива РАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 45).

15 Цит. по Стенографическому отчету (Архив РАН. Ф. 1593. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 122об.).

16 Цит. по Протоколам заседаний секции наземных позвоночных 5 и 6 февраля 1932 г. (СПбФ Архива РАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 1—16).

да по охране природы — форума, открывшегося торжественным заявлением о том, что отныне «фетиш неприкосновенности природы заповедников» окончательно отвергнут [11, с. 48]...

* * *

Завершая наш очерк, который был сосредоточен фактически на одном предмете, остается добавить, что таковой вовсе не был единственным предметом интересов Кожевникова. Даже на упомянутой Бернской конференции по охране природы 1913 г., к примеру, он изумил присутствующих своей «внеплановой» речью о необходимости включения в программу деятельности учрежденной Международной природоохранительной комиссии вопроса о защите от истребления первобытных племен. (Не смущенный прохладной реакцией большинства делегатов, он добился постановки этого вопроса на открытое поименное голосование, в котором представители пяти стран высказались «за», восьми — «против», при двух воздержавшихся [10]). В дореволюционные годы он был постоянным автором газеты «Утро России», где выступал по самым разным вопросам — защищая право женщин участвовать в суде присяжных, отстаивая необходимость борьбы с нищенством, которое «выродилось в правильно организованный промысел», размышляя о гибели «Титаника», рассказывая об опытах (коих сам был участником), подтверждающих «способность животных понимать и мыслить», обсуждая новый университетский устав и многое другое¹⁷. Нужно ли говорить, что многие из поднимавшихся Кожевниковым вопросов, должно быть, представлялись его современникам столь же «несвоевременными», какой, по-видимому, и по сей день продолжает казаться не только «широкой публике», но и большинству политиков и стратегов наших заповедников его идея о «полной неприкосновенности» последних? Но «колесо истории вертится неуклонно, — не смущался он, — вынося на очередь такие вопросы, самое упоминание о которых показалось бы смешным несколько десятков лет назад» [12]. На наш взгляд, впрочем, едва ли стоит истолковывать эти слова в том духе, что Кожевников, дескать, «шел впереди своего времени». Наверное, ему просто была свойственна необыкновенная непосредственная отзывчивость, а если так, то, стало быть, и проблемы, на которые он откликался, были проблемами его времени, и считать их «несвоевременными» — недоразумение, порожаемое погруженностью так считающих в то, что мы привыкли называть «повседневной рутинной».

Эту черту Кожевникова ярко иллюстрируют публикуемые ниже «Американские воспоминания»¹⁸. Для публикации, как бы приуроченной к столетнему юбилею российских заповедников, выбор именно этого текста, где нет ни слова о заповедниках, может показаться несколько странным. Мы, однако, надеемся, что от внимательного читателя не ускользнут те родственные идеям Кожевникова о заповедности оттенки, которыми «поблескивают» местами его «Американские воспоминания». Они чувствуются и в упоминании девиза Агассиса «*Study Nature, not books*», и в замечании о «детски-чистой грубости», которая для Кожевникова лучше «порнографической утонченности» западноевропейской культуры, и в заключительных словах «наука есть высший плод культуры». И, *last but not least*, разве менее прочего важна та особенность «Американских воспоминаний», что они дают нам столь живое впечатление о человеке, их написавшем?

А. Ю. Стручков

Список литературы

1. Докучаев В. В. Соч. М.-Л., 1953. Т. 7.
2. Вайнер (Уинер) Д. Р. Экология в Советской России (Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы). М., 1991.
3. Кожевников Г. А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. М., 1909.
4. Кожевников Г. А. О заповедных участках. М., 1911.
5. Кожевников Г. А. Значение Косинского заповедника // Труды Косинской биологической станции. 1925. № 2. С. I—V.
6. Кожевников Г. А. Как вести научную работу в заповедниках // Охрана природы. 1928. № 2. С. 12—19.
7. Weiner D. R. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington and Indianapolis, 1988.
8. Докучаев В. В. Соч. М.-Л., 1951. Т. 6.
9. Филонов К. П., Нухимовская Ю. Д. Летопись природы в заповедниках СССР. М., 1985.
10. Кожевников Г. А. Павел Саразин // Охрана природы. 1929. № 4. С. 111—113.
11. Труды Всесоюзного съезда по охране природы. М., 1935.
12. Кожевников Г. А. Первый всемирный расовый конгресс // Утро России. 1911. № 72.

¹⁷ В архиве Кожевникова имеется большая подборка его газетных публикаций (Архив МГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 136, 137).

¹⁸ Этот текст, насколько нам известно, прежде не публиковался и воспроизводится здесь (в полном виде) по рукописи, хранящейся в Архиве МГУ (Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 24 (8)).

Г. А. КОЖЕВНИКОВ

АМЕРИКАНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Приезд американской эскадры пробудил в публике интерес к Соединенным Штатам Америки. Об американцах стали говорить гораздо больше обыкновенного, стали разбирать прошлые и настоящие отношения между Россией и Штатами и гадать о будущих. Что будет дальше, трудно сказать, но пока можно удостоверить лишь одно, что русская публика почти совершенно не знакома с Америкой не только по личным впечатлениям, но и по литературе. То, что знает об Америке «широкая публика», сводится к анекдотическому материалу и некоторым трафаретным суждениям, часто неточным или прямо не соответствующим действительности.

Побывавши несколько времени тому назад в восточных Штатах и делясь своими впечатлениями с людьми разных кругов, я одинаково со всех сторон встречал выражение интереса к своим рассказам, и, зная, как мало у нас пишут и говорят об Америке, я решил сейчас под впечатлением пробуждения интереса к ней поделиться с читателем некоторыми воспоминаниями.

* * *

Прежде всего о переезде через океан. Он весьма доступен по цене и идеально обставлен с точки зрения удобств. На больших пароходах таких крупных компаний, как «White Star», «Red Star», «Cunard», «Norddeutscher Lloyd», «Hamburg — America Linie», даже третий класс, *обратный* проезд в котором с продовольствием стоит всего 90 рублей, не имеет ничего общего с убогими помещениями третьего класса на наших черноморских или балтийских пароходах. Но, конечно, лишь по большой несостоятельности едет человек через океан в третьем классе, и едет даже еще дешевле, чем на большом первоклассном пароходе, на каком-нибудь второстепенном, специально для эмигрантов приспособленном пароходике. Во втором классе первоклассного парохода пассажир получает полный комфорт, но без роскоши. Постель такая же, как в первом классе, стол с другим меню, но превосходный, нет лишь роскошных гостиных, палуба теснее, «курилка» меньше и не так шикарно отделана. И за путешествие туда и обратно, при условии платы за оба конца одновременно вперед (10% скидки), платится всего 180 рублей за 8—9 дней плавания. Кто же хочет ехать с поистине царской роскошью, пусть заплатит ровно вдвое в первом классе. Тут будет удовлетворен самый капризный, самый взыскательный человек идеальной обстановкой и комфортом.

Самый быстрый переезд берет около 8 дней от гавани до гавани. Те, которые говорят о более быстром переезде (в рекламах пароходных компаний), считают езду в открытом океане, после последнего английского маяка и до первого американского. А весьма много времени уходит на странствование у европейских берегов (заход в несколько портов).

Безопасность переезда полная, особенно в открытом океане, где нет ни одной отмели, ни одного острова на всем пути, а постройка гигантов пароходов, перед которыми кажутся мелкими самые страшные броненосцы, настолько солидна, что никакая буря им не страшна. Погибнуть на московской улице от трамвая или извозчика во много раз более шансов, чем погибнуть при переезде из Европы в Америку.

Американская дороговизна вошла в пословицу, и это вполне справедливо, если принять во внимание абсолютные цены. Тут часто за доллар, т. е. за два рубля, вы получите то, что в России за рубль, но соответственно высока заработная плата. Если же принять во внимание низкую заработную плату у нас в

Г. А. Кожевников
Фото 1902 г.

России, то наша жизнь обходится дороже, чем американская. Лучшее доказательство этому видно в том обстоятельстве, что в Америке так легко наживать деньги: большие расходы на прожитие с большим избытком покрываются заработком, даже самым примитивным, как, например, трудом чернорабочего. И там чернорабочий спокойно ест купленную у разносчика грушу за 10 коп. штука, и грушу действительно роскошную, тогда как мы стараемся за тот же гривенник купить пяток какой-нибудь дряни у московского разносчика, считая более дорогие фрукты роскошью.

При большом заработке, который может для простого рабочего достигнуть 3—4 рублей в день, американские цены не дороги. Но европейцу при его бюджете они, конечно, неподходящи. Однако можно в хорошем отеле достать комнату за три рубля (это будет самая дешевая), а для дешевой еды можно найти в Нью-Йорке дешевые рестораны типа парижского «Дюваля», в которых упрощенная сервировка (на мраморе, без скатертей), минимальное количество прислуги и незатейливый подбор кушаний. Откинувши в сторону претензии, не надо быть богачом, чтобы путешествовать по Америке.

Но кое-что, доступное у нас всякому, там доступно только богачам. Например, извозчики. Такса от пристани в любой конец 8 рублей. За пределами известного расстояния такса возрастает, за багаж тоже прибавка и т. п., и вот не анекдот, а факт, лично мною наблюдавшийся: один из приезжих профессоров во время зоологического конгресса 1907 года заплатил извозчику за переезд с багажом из здания студенческого общежития на пристань (на другом конце города и переезд на пароме через реку Гудзон) ни более ни менее, как 16 долларов, или около 32 рублей!

Ввиду этого, конечно, принято не возить с собой багажа, ехать на вокзал трамваем, а багаж сдавать особым комиссионерам (*Express-Company*), которые доставляют его с парохода или железной дороги на дом и обратно по таксе 2 рубля за штуку багажа, а не по весу, что для нас тоже совершенно непривычно. Картонка с шляпой и громадный сундук таксируются одинаково.

Ходит обыкновенный трамвай необычайно медленно, так что быстрота наших московских может показаться головокружительной после нью-йоркских. Происходит это оттого, что определенных мест остановки у трамвая нет, а для каждого входящего и каждого выходящего пассажира останавливают вагон. Входить и выходить на ходу вагона строго воспрещается, и никогда не забуду, как в Бостоне меня «отчитывал» кондуктор за то, что я сел на тихом ходу, не давши знака остановить вагон. Эти остановки чрезвычайно часты, а потому ехать по такому громадному городу, как Нью-Йорк, где главная улица, Бродвей, имеет около 30 верст в длину, истинное наказание. Конечно, никто и не ездит по трамваю на далекие расстояния. Для этого вы спускаетесь в подземные коридоры «метрополитена» (*subway*), о котором преждевременно мечтают некоторые московские «прожектеры». *Subway* Нью-Йорка был закончен только в 1904 году и обошелся в 130 миллионов рублей. Быстрота «экспрессов» доходит до 60 верст в час.

Понятно, что подземные пути отвлекают с улиц массу народа и тем уменьшают тесноту. Когда походишь по улицам Нью-Йорка и вообще присмотришься к американской жизни, то получишь совершенно иное впечатление, чем было раньше на основании предвзятых мыслей об американской энергии, подвижности и т. п. Многие думают (и я был в том числе), что американцы всюду летят сломя голову, толкаясь, чуть не сшибая друг друга с ног и т. п. Ничего подобного вы не увидите. Вас поразит необычайная аккуратность, осторожность, размеренность движений, полное отсутствие суетливости и отсюда — большая безопасность передвижения. Входит в вагон и выходит из него американец осторожно. Когда вагон полон, никто не стремится влезть сверх комплекта. Выдержка и дисциплина поразительные. Крика, шума, суеты нет. Приведу несколько ярких примеров американской выдержки, которые меня особенно поразили.

В вагон *subway*, наполненный чинной, на вытяжку, молча стоящей нью-йоркской публикой, вошел старик рабочий, немного подвыпивший (явление крайне редкое на улицах). Он добродушно попросил «на выпивку» у соседа, весьма почтенного и хорошо одетого, и когда тот дал, начал его обнимать и целовать... Случись это у нас, «при-

личный» господин непременно окрикнул бы пьяного рабочего: «С ума сошел! Целоваться лезет!», да еще наверное бы прибавил что-либо приветственное, вроде «пьяная морда»... Американский же джентльмен улыбаясь принимал лобзания своего «младшего брата». Другой пример. Цирк. Ждут представления индейцев. Сильное опоздание. Прошло более получаса со времени, возвещенного для начала срока. Потопать ногами, постучать зонтиками, похлопать руками — обычное в подобных случаях проявление нетерпения у нас в Европе. Американцы точно застыли. Ни звука... Вспомнив далекую родину, я решился постучать зонтом о помост... Никто меня не поддержал, и многочисленная толпа прождала еще несколько минут. Тут же, на этом же помосте какой-то господин провалился сквозь плохо приделанную или прогнившую доску и едва не сломал себе ногу. Заявил он об этом вполне хладнокровно, не призывая чертей, без крика, без брани.

Тренировка, выдержка сказываются во всем. В ресторане не принято стучать ножом или стаканом, чтобы позвать лакея. Молча ловит американец взгляд черного «услужавшего» и делает ему малозаметный знак подойти. На речном пароходе пускают в столовую строго по числу мест, и ждущие очереди терпеливо стоят у двери, как у театральной кассы. Попробуйте присесть к столу, накрытому для четверых, пятым, хотя бы те четверо были ваши знакомые, — и вам этого не позволят. «Какая дисциплина! Какая выдержка!» — невольно восклицаете вы, глядя на американскую публику. Слышал я, впрочем, что на западе Штатов народ значительно разнится по своим обычаям и манере себя держать от обитателей восточных штатов, где особенно строги нравы и велика трезвость.

Пьяных не увидишь иной раз в течение нескольких дней, прохаживая по улицам такого громадного города, как Нью-Йорк. А есть селения, где совершенно запрещена продажа спиртных напитков. Я был в одном из таких. Это местечко Вудс-Холл на берегу океана, где превосходная зоологическая станция. Прямо даже странно быть в городке, где, кроме игристых вод, нет напитков.

Рядом с отсутствием пьяных надо отметить отсутствие порнографии и полное приличие на улицах в любой час дня. Не только нет сцен, разыгрывающихся у нас на Тверской или Тверском бульваре, где публика с известного часа дня держит себя как в публичном доме, не только нет таких порнографических «открыток», которые выставляются у нас в витринах некоторых писчебумажных магазинов, но в Нью-Йорке вы не найдете даже в специально «открытками» торгующих магазинах никаких изображений обнаженного или полуобнаженного тела. И прямо удивляешься, что в такой «модернистской» стране умеют охранять общественную стыдливость, а в нашей «православной матушке Москве» столько неприкрытой срамоты, что прямо стыдно ходить по улицам.

В Штатах настолько заботятся о том, чтобы как-нибудь не была оскорблена женская стыдливость, что у хороших гостиниц есть особые подъезды «для дам», дабы возвращающаяся без кавалера леди была гарантирована от каких-либо нежелательных ей разговоров или взглядов в вестибюле или на лестнице, и даже в почтамте при продаже марок есть особое окно «для дам».

Железные дороги в С. Америке имеют только один класс, по тарифу несколько дороже нашего второго. Для спанья особые спальные вагоны, в которых только спят и в которые переходят только на ночь. Для большего же удобства пути есть, кроме обычных вагонов, похожих на наши трамвайные, удобные «вагоны-салоны» (*parlor-cars*) с креслами. Ручной багаж складывается в особый вагон. Путешествие с массой узелков и картонов, как у нас, не практикуется.

Станции убого обставлены и иногда имеют вид просто закопченных навесов — и только. Ничего казового и нарядного ни в станционных зданиях, ни в полотне дороги нет. Из экономии на дорогах очень мало служащих, сторожей, надсмотрщиков за путями и т. п., и безопасность движения в 7 раз меньше (по числу катастроф), чем в Европе. Злые языки говорят, что железнодорожные компании рассчитывают, что им выгоднее платить за увечья, чем заботиться о лучшем состоянии и охране пути. У нас удивляются, что на трамваях иногда кондуктор исполняет роль стрелочника, а в Америке я лично видел, как на перекрестке путей кондуктор соскочил с остановленного предвзительно поезда, перевел стрелку, а затем снова сел на поезд.

Америку называют страной «небоскребов», т. е. домов в 40 и более этажей. Но это только в Нью-Йорке и некоторых других городах (не в таком масштабе, как в Нью-Йорке), а всю-то С. Америку можно по праву назвать страной *деревянных* домов. Большие фермы, загородные дома, целые поселки, даже большие города — сплошь из дерева. Леса в Америке масса, и он высокого качества. Прекрасно оборудованная морская зоологическая лаборатория в Вудс-Холле состоит из нескольких деревянных корпусов.

Лаборатории обставлены инструментами очень хорошо, но по внешней обстановке очень просты. В области науки Америка идет вперед гигантскими шагами. Она смело берется за новые направления в биологии и блестяще разрабатывает. Экспериментальная биология нашла себе там талантливых и энергичных последователей, и даже создан основанный известным миллионером Карнеги специальный институт «Экспериментальной эволюции» в местечке Колд Спринг Харбор, где на полном просторе раскинулись научные огороды, плантации, питомники, курятники, клетки для культуры насекомых, где воспитывается массовый материал для изучения явлений изменчивости, наследственности, скрещивания, влияния среды на организмы и т. п. Все учреждение похоже скорее на ферму, чем на научную лабораторию, и менее всего похоже, например, на роскошный дворец «биологического института» в Далеме, около Берлина, воздвигнутый германским правительством в интересах сельского хозяйства. Но на этой «научной ферме» делаются замечательные работы, которые служат образцом для дальнейших работ в этом направлении.

Я уже говорил, что морская биологическая станция в Вудс-Холле построена из дерева, не в пример прочим, но рабочая обстановка там весьма удобная, более 40 отдельных рабочих кабинетов, всюду можно иметь проточную морскую и пресную воду, хорошие аквариумы. В этой лаборатории ведутся публичные практические курсы по анатомии и физиологии морских животных, которые посещаются не только профессионалами-натуралистами, но и преподавателями. Лекции читаются знаменитейшими американскими учеными, которые, надо сказать, довольствуются весьма скромным гонораром, скромным не по американскому, а даже по европейскому масштабу. Практические занятия обставлены превосходно, и таких общедоступных, так широко поставленных курсов нет ни на одной европейской станции. (Курсы на русской станции в Вилла-Франке организованы в более скромном масштабе.)

Американская наука развивается в значительной степени на частные средства. Множество высших учебных заведений, отдельных институтов, лабораторий, обсерваторий основаны и содержатся на частные средства. Правительство еще не тронулось в широком масштабе по пути развития высшей школы, сосредоточив пока главное внимание на низшей и средней. И теперь молодая американская наука кое в чем обгоняет свою учительницу — европейскую. А когда казна шевельнет своими миллиардами, Европа, пожалуй, совсем останется за флагом. Конечно, для развития науки нужны не только деньги, но и люди. Но они есть в Соединенных Штатах, и как же им не быть, когда эта нация образовалась путем отбора из Европы наиболее сильных, наиболее энергичных и предприимчивых людей. Раз в таких людях проснулись умственные интересы, загорелся светоч научного знания, — они гигантскими шагами пойдут вперед. Они уже пошли, идут, и Европе скоро придется сторониться, давая им дорогу...

Правда, до сих пор еще американская наука несет до некоторой степени «особый отпечаток», но в нем, пожалуй, есть и своя хорошая сторона. Американские ученые часто не блещут эрудицией, полным знанием литературы, как немцы, часто пишут научные статьи так, как будто раньше по этому вопросу никто не работал и автор первым за эту тему принялся. С точки зрения воспитанного на европейских академических традициях профессионального ученого, это большой грех. «Исчерпывающее» знание литературы, полное изложение «истории вопроса» — обязательные требования от наших ученых работ, и за дефекты в этом отношении диспутантов жестоко терзают оппоненты на магистерских и докторских диспутах. Но работы, написанные с этим «дефектом», отличаются и некоторыми приятными качествами: их легко читать и от них веет какой-то свежестью, непосредственным наблюдением природы. Недаром великий американский ученый Агассис завещал девиз: «*Study Nature, not books*», т. е. «изучай

природу, а не книги», девиз, начертанный на стенах лаборатории в Вудс-Холле.

Американские студенты весьма энергично и интенсивно работают и совершенно не занимаются политикой. Социализм в Штатах не имеет успеха. Мне случалось видеть проповедников этого учения на улице: говорят они открыто, но почти никто их не слушает, жалкая кучка зевак окружает «оратора». Как курьез можно отметить, что в Нью-Хэвене в *Yale University* есть особое здание без окон и с одной дверью для сходок. Отсутствием окон и полной обособленностью здания начальство символизирует, что оно не знает, что делается за этими стенами. Спорить у студентов в большом ходу.

Много работая, американец не прочь и повеселиться, но его увеселения носят весьма своеобразный характер. За самые последние годы образцы специально «американских» развлечений перекочевали в Европу, но несколько лет тому назад увеселительный городок «Кони Айленд», около Нью-Йорка, был единственным в своем роде местом. Он остался им и теперь по своему грандиозному масштабу, если только не верен пронесшийся недавно слух о бывшем там грандиозном пожаре. Действительно, с «*Dreamland*» и «*Lunapark*» Кони Айленда не могут идти в сравнение никакие Луна-парки Европы, являющиеся жалкими копиями действительно замечательного оригинала.

Через грандиозный, головокружительной высоты Бруклинский мост несетесь вы сперва над прилегающим к Нью-Йорку вплотную Бруклином, а затем с полчаса несетесь по пустынному побережью, и вдруг перед вами вырисовывается огненный город. Сравнить картину можно только с коронационной иллюминацией Кремля, когда все контуры башен были превращены в огненные линии. Стены, дворцы, башни «увеселительного городка» — громадных размеров, и их огненные очертания, горящие сотнями тысяч лампочек, сливающихся в сплошные линии, производят совершенно сказочное впечатление.

Приехавши, вы попадаете на широкую, полную шума и движения улицу, загроможденную по бокам лавочками со сладостями, маленькими ресторанами, закусочными и т. п., а по сторонам два громадных увеселительных сада: «Царство грез» (*Dreamland*) и «Луна-парк». Вся суть развлечений этих садов в сильных ощущениях спортивного характера при полном отсутствии пикантного элемента, лежащего в основе европейских развлечений. Прототип всех европейских увеселений — парижский кафешантан с неизбежными оголениями рук, плеч и груди и коротенькими юбочками певиц. В бесчисленных вариантах этот жанр разошелся по всей Европе и свил себе прочное гнездо и у нас в России. В «Кони Айленде» этот жанр совершенно отсутствует. Нет не только «шансонеток» и «каскадных» певиц, но и каких-либо *diseuses** и куплетистов. Лишь балетная пантомима вполне скромного свойства напоминает о «европейских» развлечениях.

Вот «катанье с гор», но не в том жалком масштабе, как у нас «под Девичьим», а в таком грандиозном виде, что всякому интересно испытать. Громадное сооружение высотой в пятиэтажный дом или более, с туннелями, мостами над пропастями (саженей 10—15 высоты), такими крутизнами, что вам кажется, что вы падаете с высоты. Дух захватывает... Катают вас долго, туннель сменяется страшной крутизной, крутизна — мостом над пропастью. Если катастрофа — то лишь обломки костей останутся, но все так солидно сделано, такая точность в управлении, сигнализация и пр., что вы верите в безопасность.

А вот вас втащили по наклонной плоскости на большую высоту и пустили катиться вниз в лодке, которая потом с разбега попадает в пруд и едва не переворачивается, но никогда не перевернется, а обдаст брызгами, испугает — и только. На громадной высоте кружатся на тонких проволочных канатах лодочки. Получается иллюзия «свободного полета». Но самое эксцентричное — «*Loup the loup*», которое русский человек скорее всего назвал бы «чертово колесо». В свое время лишь за поглядение на этот фокус платили у нас в увеселительных садах, а теперь за двугривенный можно лично испытать это своеобразное удовольствие. Тележка, на рельсах скатываясь с страшной крутизны, попадает внутрь громадного колеса и по инерции делает там полный оборот, доставив пассажирам удовольствие быть на момент вниз головой при страшно

* Исполнительница песенок, певичка (фр.). — *Ред.*

быстром движении. Ощущение поистине жуткое, ни с чем не сравнимое. Его, пожалуй, лучше всего можно характеризовать словами «душа с телом расстается». Испытавши эту своеобразную встряску, рад, что испытал нечто необычное, но повторить не всякому захочется.

Есть еще среди развлечений Кони Айленда корзина с пассажирами, скатывающаяся по наклонной плоскости, натыкаясь на колья, отчего получают толчки и, конечно, комические эффекты; есть скатывание по полированной наклонной плоскости, а есть и иного рода эффекты, вроде «путешествия в ад». Вы садитесь в лодочку, и она, покруживши вас немного, спускается под землю; в темноте пристааете вы к берегу, на что-то натыкаетесь, слышите странные звуки, видите силуэты трупов в почти полном мраке и наконец подходите к занавеси, где ожидаете самого страшного. Отдергивают — и вы на дорожке парка среди публики, смеющейся на ваше невеселое лицо.

Есть и скачка на лошадях, есть стрельба в цель, не такая игрушечная, как у нас в тирах. Есть и оригинальные световые иллюзии с помощью невидимых зрителю зеркал. Все это смешно, но притом наивно и детски чисто. И вот эта черта произвела на меня чарующее впечатление. Десятки тысяч взрослых людей, которые развлекаются без «пикантного», — вещь немыслимая в европейской культуре, которая никак не может обойтись без порнографии, изобретенной в парижских кабаках. Некоторые говорят, что эти развлечения грубы и некультурны. Если даже они грубы, то все-таки лучше детски-чистая грубость, чем порнографическая «утонченность». Я лично приветствовал бы у нас всевозможные «швейцарские горы» и «чертовы колеса», если бы они вытеснили шансонетки и куплеты, слушая которые радуешься, что публика не понимает парижского «арго», или фарсы, доходящие до пределов цинизма.

* * *

В общем, Америка производит свежее, бодрящее впечатление. Это народ будущего, народ, который только вступает на путь истинной культуры. Из страны ковбоев, фермеров и миллиардеров Америка становится страной, дающей новые горизонты в науке. Пока у нее почти нет искусства и литературы. Но, вероятно, будет. Раз есть наука, страна выходит на культурную дорогу, т. к. наука есть высший плод культуры.

Публикация А. Ю. Стручкова